

АНАТОЛИЙ КЕРН

ДИАГНОЗ

Аннотация

Моему герою всегда хотелось доверять женщинам — существам, традиционно возвышенным, не способным на обман. Но когда в безобидных уловках открывалась фальшь, даже незначительная, он испытывал разочарование и болезненную обиду, и чем красивее была оболочка, тем больше огорчало внутреннее несоответствие. Так можно ли, много раз не спотыкаясь, выделить на этом фоне женщину достойную?

Анатолий Керн

Диагноз

Глава 1

Я получил повестку в военкомат и обрадовался: появилась вполне законная возможность хоть на день увильнуть от ужасно опротивевшей работы, которая не давала ничего, кроме заработка. После трёх лет срочной службы всех военнообязанных, оказавшихся в запасе, ежегодно вызывали в военкомат для переподготовки, которой даже не пахло. Всё сводилось к использованию дармовой рабочей силы, конечно, по усмотрению начальства. Избежать этого не было возможности, потому что считалось воинской обязанностью, а уклонение от неё — дезертирством, за которое судили. Но желающие откупиться могли сделать это запросто, способов находилось множество: через *полян*у, то есть пышную пьянку; с помощью ложной медицинской справки, естественно, купленной; посредством телефонного звонка от партийного функционера, на которого *вышли* с помощью кума-свата-брата; или просто *дать в конверте*. Это называлось *отмазаться*. А всех честных, которые тоже бывают, обычно посылали в

какой-нибудь *колхоз-миллионер* — на уборку урожая картофеля, кукурузы, свёклы и всего остального. Колхозники всегда спешили прежде всего по-хозяйски снять выращенное на собственных угодьях, плевали они на коллективное добро — его уберут переподготовщики, студенты или служащие городских предприятий.

Но дело не в этом. Если раньше эти акции помощи меня раздражали, то на этот раз, получив повестку, я с удовольствием решил поучаствовать. Кроме застойной работы, не дающей никаких перспектив, ещё не ладилась и личная жизнь, от неё тоже хотелось бежать, и хорошо, что у меня нет детей, потому что без любви дети всегда чужие. Я был к этому готов заведомо, ведь мы поженились по обоюдной необходимости, как и большинство, иначе не получили бы квартиру — одиноким жильё *не положено*, — и только идиоты могли такое правило *положить* и узаконить.

Комната, указанная в повестке, оказалась кабинетом военкома. Я засомневался — обычно вызывают в строевую часть — и обратился за уточнением к щеголеватому старлею, с красной повязкой дежурного. Этот фронт, не нюхавший службы, не открывая рта, высокомерно процедил: «Пройдите в предписанную комнату».

Военком по-граждански протянул мне руку, усадил на стул и стал подробно расспрашивать о моей службе в армии, работе и семье. Я изложил

всё коротко и ясно, по-военному, и сказал, что в моей ситуации не прочь вернуться в армию, если на то есть необходимость. И подумал, что буду рад и тому, если опять пошлют на офицерские курсы повышения, — всё же два или три месяца оплачиваемого «учебного отпуска»! Но военком не сказал ничего конкретного. Он поговорил с кем-то по телефону, а через минуту вошёл офицер и вручил мне направление на медкомиссию.

Через несколько дней я пришёл в поликлинику за результатами анализов. Толстый пожилой врач неторопливо покопался в бумагах на своём столе, выбрал нужные и уставился на меня удивлённо, качая головой и поблёскивая стёклами квадратных очков. «Дефицит, где он такие откопал?»

— У вас анализы, молодой человек, отвратительные, мягко говоря, будто у старого хроника. Лейкоцитоз! Сплошная муть! Чтоб так относиться к своему здоровью, знаете ли...

— Но почему? — удивился я, — жалоб нет, самочувствие нормальное.

— А я откуда знаю? — пожал плечами врач. — Аномалии говорят о серьёзном воспалительном процессе в вашем организме. Найти причину можно только при тщательном обследовании, куда сейчас же вас направлю. — Он взял бланк и стал писать. — Конечно, в двадцать

пять или тридцать лет, или сколько там у вас, это странно, — заметил он, — поэтому не советую медлить, чтоб не опоздать, или я совсем ничего не понимаю в медицине.

«Махровый еврей», — подумал я, а врач дописал бумагу, шлёпнул штамп и ободряюще улыбнулся:

— Я направляю вас в прекрасную больницу, и там вы влюбитесь в хорошенькую медсеструшечку.

В коридоре я стал читать направление и почувствовал озноб: «...в урологическое отделение областной туббольницы!»! Чего хотел, того дождался — от мрачных будней избавлюсь в «прекрасной» больнице, заодно и вылечусь, если ещё не поздно. Я нервно рассмеялся: если поздно, тоже избавлюсь — единственная несомненная перспектива. Как бы то ни было, оттуда быстро не выбраться, и надо готовиться к худшему. Все так говорят, но в чём заключается подготовка, никто толком не знает — писать завещание или читать журнал «Здоровье»?

Я отправился в больницу без подготовки. Меня там будто ждали — тотчас переодели, определили в палату, и с первого же дня попал я в бесконечный круговорот всяких анализов, рентгенов, осмотров и похожих на экзекуцию процедур, о которых неловко рассказывать. Начался поиск причин, от которых у меня

«сплошная муть».

В больнице всегда и всем кажется, что обследования продвигаются слишком уж медленно, время идёт, но результатов почему-то не сообщают. Если я попал в туберкулёзную больницу, должен быть туберкулёз. Неужели до сих пор не смогли его разглядеть? При каждом удобном случае я интересовался рентгеновскими снимками — уж на них-то видно всё, и не только туберкулёз, но даже рак. В общении с такими же пациентами урологии меня быстро просветили и порассказали много чего занимательного. Но если рак, я должен быть в онкологии. И там и здесь одинаково хорошо, только плохо без ясности. Впрочем, я был уверен, что для врачей картина очевидна, иначе не кормили бы меня ежедневно горстями разноцветных таблеток и не ставили капельницы. Стало быть, уже лечат! Однако раздражал тот факт, что я зацепился здесь основательно, и обследование «мути» перешло в лечение таинственной болезни, о которой ничего не знаю, а впереди по-прежнему всё туманно.

На утреннем обходе в палату цепочкой втягивается целая делегация: оба лечащих врача, старшая сестра, сестра простая и три молоденькие сеструшечки — только из медучилища. Во главе — сам заведующий урологическим отделением, Владимир Григорьевич Кравченко — главный специалист, фтизиауролог, хирург, известный в

Днепропетровске и далеко за пределами. Если отчаявшийся человек ещё надеялся на чудо, то сотворить его мог только Кравченко. Но дело даже не в этом. Его славе сопутствовала очень любопытная деталь, маленький штрих, настолько потрясающий для коллег-медиков, что они приходили в ярость: за свою работу Кравченко *не брал*. Как и большинство больных, я уже знал о нём все были и небылицы. Небылицы фантастически преувеличивали возможности доктора, но зато вселяли уверенную надежду, столь необходимую человеку. И очень часто надежда оборачивалась таким же фантастическим исходом.

Во время обходов у Кравченко взгляд либо весёлый, либо строгий, а лицо всегда бледно, непроницаемо и одухотворённо, будто у хорошего дирижёра, и лишь изредка мелькнёт на нём улыбка. Такому лицу невозможно не верить. Но его свита раздражала меня до рвотного симптома. Врачи поглядывают как-то странно, словно я приговорён к смерти, а во взорах сестёр столько вины, будто они отобрали у меня последнее здоровье.

Каждый раз Владимир Григорьевич интересуется моим самочувствием и жалобами. Я отвечаю, что всё хорошо, жалоб нет. Оба лечащих выдают ему пару фраз на латыни и на том точка, для меня информации ноль, а свита идёт к следующему больному.

На очередном обходе я решил прояснить обстановку самостоятельно.

— Жалобы есть? — спросил он.

— Да.

— На что жалуетесь?

Я помедлил с ответом, изображая нерешительность. Кравченко подозрительно взглянул на врачей, те синхронно передёрнули плечами.

— На судьбу, — сказал я.

— Не моя компетенция. Другие жалобы есть?

— Компетенция ваша, других жалоб нет.

— Замечательно, изложите.

— У меня лейкоцитоз, — сказал я, — сплошная муть, как у хроника, но вы ничего не говорите.

— Ого! Какие термины! — театрально воскликнул Владимир Григорьевич. — Вы тоже читаете этот дурацкий журнал? Ещё раз напоминаю больным и персоналу: чтоб я больше никогда не видел в палатах «Здоровья»! — И тут же рассмеялся над случайным каламбуром. Быстрый в движениях и переменах настроения, он упёрся в меня насмешливым взглядом:

— О чём я должен говорить? Я никогда ничего не говорю — я делаю! Для разговора с вами нужны основания, которых у меня нет. Появятся — тогда пожалуйста! Ещё вопросы?

— Да, последний... Где я мог поймать этот чёртов лейкоцитоз?

— Его невозможно *поймать*. Из множества заболеваний *ловят* лишь триппер, остальные приходят сами.

Оба лечащих врача сдержанно посмеивались, а сёстры и сеструшечки притворно покраснели, словно нетронутые монахини.

Когда долго «лежишь» в больнице, дни кажутся неделями, недели — месяцами, и так далее, по возрастающей, и время занудно тянется, а потом появляются дурацкие мысли о бесполезности лечения и, чаще всего, о скором конце. У меня было много возможностей убедиться в этом, перезнакомившись и общаясь чуть ли не со всеми больными урологического отделения. В больницах любят рассказывать друг другу о своих болезнях — был бы терпеливый слушатель; потом жизненная тематика расширяется безгранично, принимает личный уклон, люди сближаются на общем для всех фоне судьбы и находят в этом облегчение. Общение с моими новыми знакомыми получалось односторонним. Я умел слушать, но не любил рассказывать о себе. Собеседникам это нравилось, и я был как бы в цене, уделяя внимание всем, кто хотел.

Нытики есть в любых больницах, у нас тоже были. Оригинальный народ — всё время ждут

смерти, но живут дольше здоровых. Некоторые из них действительно были обречены, потому что утратили смысл жизни и желание за неё бороться. Во фтизиаурологии обследуются долго, но лечатся ещё дольше, на это уходят многие месяцы, часто и годы. Факт выписки из больницы не означает, что человек уже здоров; он всё равно находится на контроле и через определённое время опять возвращается на профилактику. Я много раз наблюдал в отделении встречи ветеранов урологии — обнимаются, точно родственники, и всегда кого-нибудь недосчитаются. Меня лечили, круговерть анализов поутихла, названия болезни я не знал и больше не интересовался никакими подробностями — зачем? Кравченко прав: придет время — узнаю. С больничной обстановкой я свыкся, дурных мыслей не было, скорого конца не ждал. Наоборот, строил планы наведения порядка в личной жизни, если после больницы она продолжится. А хорошая библиотека позволяла роскошно коротать больничное время в других исторических эпохах.

Нормальных больных у нас было больше, и они весело со мной шутили: «Ты, Дмитрий, *наш* человек до конца жизни». Теперь мне была понятна убийственная правда этой шутки: *нашими* называли тех, у кого туберкулёз или рак.

Как-то во время обхода Кравченко

остановился возле моей койки и спросил у лечащего врача:

— А здесь вы что намерены предпринимать?

Я напрягся в ожидании, а Игорь Васильевич хмурился и медлил с ответом. У меня возникла мысль, что лечение никуда не годится, если нужны какие-то дополнительные меры, и поэтому лечащий не решается об этом сказать.

— Ну? Что будем делать? — Владимир Григорьевич засунул руки в карманы халата и нетерпеливо прохаживался по широкому проходу, между двумя рядами коек.

— Вот именно, что? — не сдержался я. — Будем лечить или пусть живёт?

— Вы уж помолчите, пожалуйста! — разозлился Кравченко. — Сейчас не время шутить! У вас почка не работает! — И отошёл к окну, стал смотреть во двор.

От врачей всегда ждут чего угодно, но только не ответа напрямую. Я тоже не ждал, но почему-то не удивился, даже не к случаю стал улыбаться, вызывая недоумение соседей по палате столь странной реакцией.

«Как всё просто получается, — думал я, — работала, а теперь не работает. Живёт человек — уже не живёт, и не происходит грандиозных потрясений, никто этого не заметит, не узнает, никому до него нет дела, как и при жизни, которая

продолжается для оставшихся».

Конечно же, у меня возникло множество вопросов, но расспрашивать я не стал, всё равно от этого ничего не изменится, а причины и механизм остановки пусть изучают мои врачи, у них к этому есть профессиональный интерес.

Кравченко отвернулся от окна и насмешливо проговорил:

— Пока вы думаете, Игорь Васильевич, ваш больной умрёт.

Я рассмеялся:

— Не новость, пока что всё идёт к этому.

— Не волнуйтесь, Трофимов, не о вас речь.

Имеется в виду *абстрактный* больной.

Игорь по-прежнему молчал, будто у него язык отнялся.

Кравченко имел обыкновение подобным образом пытаться лечить врачей у койки больного. Сам-то давно знает, что надо делать, но упаси бог, если лечащий не придёт к тому же выводу.

Неожиданно Владимир Григорьевич обрушивает на Игоря поток латыни. Больные переглядываются, полагая, что тот ругается. Когда Кравченко разговаривает с персоналом на повышенных тонах, устраивая разнос за малейшие упущения в работе, он встряхивает головой, как бы подчёркивая свои слова, и крупные кольца седых волос на затылке смешно перебегают по воротнику

его халата.

Лечащий повеселел, на латынь живо откликнулся, и пошла у них перепалка на мёртвом языке.

В палате тишина. Больные внимательно слушают, хотя ни черта не понимают. Они ошеломлены новостью больше меня: мол, кто бы подумал, такой молодой, цветущий, и что же делать, как же быть, и всё в таком роде. А вдруг ошибка? Хорошо бы, да бред собачий — у *нашего* доктора не бывает ошибок!

— Ты что-нибудь понимаешь? — прошептал мне в ухо Олег Левин, шутник, хохмач и очень мнительный насчёт болячек.

— Конечно, — кивнул я.

— Что?

— Мне капут, — и сделал подходящую гримасу.

У Олега открылся рот и округлились глаза.

— И тебе тоже, — очень тихо добавил я.

Кравченко обернулся на шушуканье, заметил бледное лицо Олега.

— Вам плохо, Левин? — спросил подозрительно. — Курить бы бросили! А для вас, Трофимов, сделаем всё возможное.

В этом я не сомневался. Значит, *letalis* исключается, мои акции растут. И теперь появилась возможность рассортировать имеющуюся

информацию. Почка отказала, и даже Кравченко не заставит её работать снова, потому что она постепенно разлагается, элементарно гниёт, будто прошлогодняя картофелина. Вот и причина «сплошной мути». Следовательно, предстоит операция, и для хирурга это пустяк — распороть бок, извлечь отмерший орган, зашить. Всё удовольствие продолжается сорок минут. Удалённую почку поместят в банку с формалином, прилепят этикетку и поставят на полку в коридоре, рядом с другими. Я уже видел коллекцию. Но до этого ещё надо дожить. И пережить! Только тогда меня назовут послеоперационным больным. В отделении таких много, в моей палате есть тоже. Этот народ стойкий, умудрённый больничным опытом, отбоявшийся и вполне готовый к следующим операциям. И даже в безысходных ситуациях они нос не вешают, ухитряются жить весело, сколько отпущено судьбой, и потому мастера шутить и подшучивать.

Из какого-то периферийного района в больницу поступил новый больной. Его поместили в нашу палату — упитанного сельского мужичка, с невыразительным лицом, здоровым от свежего воздуха. Трудно представить, что у такого человека могут быть жалобы, но при туберкулёзе внешность обманчива, у него что-то *нашли*, а реакция на неожиданную находку у всех одинакова, и равно

всем видится призрак операции, которой панически боятся. Первый страх появляется от мысли, что будут *резать*, а когда к этой необходимости привыкают, возникает боязнь умереть *под ножом*; при этом никому не представляется аккуратный, сверкающий ланцет, воображение преподносит нож мясника.

Труженик неизвестных колхозных полей, видимо, был в своём районе каким-то начальничком, потому что как-то поинтересовался отдельной палатой. «С какой стати? — спросил Кравченко, — не вижу необходимости».

Я заметил, что в больнице обостряется восприятие окружающего, всё равно какого — хорошего или плохого, — но настолько, что ни одна мелочь не проскользнёт мимо. Обратили внимание и на вопрос новенького. Но разве ему запрещено спросить? Свежий человек может не знать, что в отделении все палаты забиты больными, и ему просто повезло, что вообще попал сюда. Вероятнее всего, он вовсе не начальник, а мнительный, как наш Левин, наслушался глупостей, а теперь опасается, что среди туберкулёзников общей палаты заразится окончательно, ведь многие так думают. Правда, мог бы спросить у наших больничных ветеранов и получить квалифицированный ответ на все вопросы — вплоть до диагноза. Однако молчит и читает

«Здоровье», а мы ждём, когда его застучает наш главный доктор, надеясь, что после встряски он станет более разговочив. Кто-то выдумал, что сельские жители отличаются от городских молчаливостью. Чепуха! Только до первого стакана, и примут его в любое время суток, а причину искать не надо, она есть всегда. Разве не поэтому задолго до решения вопроса бутылку *выставляют*, а после всего опять же бутылкой *обмывают*? Несомненно, наш хлебоборб не отказался бы тоже, но мы не могли предложить.

В послеобеденный час, когда всё отделение отдыхает по своим палатам, я услышал разговор двух палатных «стариков». Конечно же, о туберкулёзе, раке, болезненных обследованиях и операциях, после которых помирают чуть ли не сразу. Они старались говорить как можно тише, но притворялись так умело, что было слышно всем; при этом болтали невероятную чушь, явно предназначенную для новичка. А мужичок-новичок слушал и впитывал! Он делал вид, что читает, но какое чтение, если не слушать невозможно. В свой трёп собеседники ловко вворачивали подлинные урологические термины и уже перешли к подробностям варварской цистоскопии. Цистоскоп у них изображался в виде толстого железного карандаша, с лампочкой на конце. «Карандаш» подключался к розетке трёхфазного тока, а потом

это вставлялось *туда*. «Нет-нет, что ты, конечно, не в anus! В penis! Но это сперва, с самого начала, а потом, если ничего не видать, то и *туда* тоже. А ты сидишь в кресле для аборт, привязанный, будто космонавт, и нельзя пошевеливаться, потому что под высоким напряжением... Не помню, сколько вольт, потерял сознание».

Вот сволочи! Выдают этот бред на полном серьёзе, и забыли, что мы тоже слушаем, едва сдерживая смех. Ведь могли же предупредить! Если кто-то из нас расхохочется, затея сорвётся. И пора бы прекратить, а они продолжают. Но не выдержал сельский бригадир: вдруг выскочил из постели, накинул халат и ринулся в коридор. Ясно, в туалет. Смакование процесса цистоскопии склонно провоцировать позыв к мочеиспусканию.

— Я кое-что слышал, — сказал он, вернувшись. — Не всё понял, но получается, что мне тоже светит операция?

— К сожалению, всем, кто попал сюда, светит операция, — авторитетно заявил Левин, для достоверности играя роль третьего лица.

— Да, — растерянно проговорил мужичок, — из родни не болел никто, а вот я подзалетел.

— *Подзалететь* способна только женщина, — сказал я. — *Поймать* не мог тоже. Наш доктор именно так внёс бы ясность.

— Конечно, так-то так, но мало ли что может

случиться во время операции! Сколько уже об этом писали — под ножом отдашь концы, и знать не будешь отчего.

— А если под трактором, так тебе доложат причину? — спросил Левин.

— Грамотный! — обиделся сельский житель. — Разве я похож на тракториста?

— Ещё как! Мы так и думали! — засмеялся ветеран Миша. — А что плохого?

— Ничего плохого, только я работаю в райкоме партии!

— Всё равно мы угадали, и нет большой разницы — тракторист или шофер!

— Я — первый секретарь!

— И всё равно нет разницы, — настаивал Миша, — перед смертью все равны, любые секретари и генеральный тоже.

— Я бы не советовал в таком тоне! — сказал секретарь.

— А пошёл бы ты, парторг, в собачий anus, вместе со своими советами! — разозлился Миша. — Или стукнешь на меня в КГБ? Так мне наплевать, я не *член* !

Интересную актуальную тему неожиданно прервал Кравченко. Помимо утренних обходов, он мог среди дня вдруг появиться в палате без сопровождения, как сейчас. Но нарушений не обнаружил — тихий час кончился.

— Что вам капают? — спросил у меня.

— Лечащий врач лучше знает.

— Больной тоже должен знать, — возразил Владимир Григорьевич, — и даже обязан.

— Глюкозу, гемодез, карбоксилазу... Всё по вашей схеме.

— Как переносите?

— Как нежданное счастье! Устаёт вена, не лихорадит, но после капельницы хочется есть, будто после ночи с женщиной.

— Оригинально! — заметил Кравченко, — хотя в моём возрасте трудно представить границы вашего аппетита.

Больные разразились хохотом, словно здоровые, забыли о свежих швах, и тут же согнулись пополам от боли, зажимая руками бока и животы, — у кого что порезано.

— Реакция вполне нормальная, — сказал доктор.

— У меня или у них? — спросил я.

— У вас. И у них тоже, — улыбнулся он. — Хорошее настроение — лучший лекарь.

— Владимир Григорьевич, вы сказали, что больной должен и обязан знать свои лекарства, — напомнил я.

— Верно!

— В таком случае надо конкретно знать, против какой болезни они направлены.

— Естественно, — сказал он. — Я конкретно не знаю, потому не говорю. Но время проходит незря, вы получаете общий курс лечения, который блокирует все возможные воспалительные процессы в организме. Лечить будем долго, запасайтесь терпением. Когда получу лабораторные заключения, поговорим подробнее. Вы довольны? Разумеется, не вашим положением, но моим ответом.

— Вполне, — сказал я, — ответом и положением тоже. Вы прекрасно знаете, что бывает хуже, но ведь я живой!

— Не имею причины возразить, — пожал плечами Кравченко и вышел из палаты.

Нас восемь человек, все мы разные, и только болезнь одинаковая, объединяющая, но у каждого она наблюдается и протекает по-своему. Когда врач разговаривает с одним, остальные внимательно слушают и приравнивают услышанное к себе, желая узнать нечто большее. Так происходит во всех палатах отделения, мужских и женских. И совершенно одинаково возникают споры и перепалки, прямо на ровном месте, без видимых причин, и так же внезапно прекращаются. Единогласно всё списывается на нервы, а зла никто не держит.

— Ничего не понимаю, — сказал секретарь райкома партии, «парторг» по прозвищу, которое к

нему прилипло. — В туберкулёзной больнице лечат, но не знают конкретно, от какой болезни. Сам по себе напрашивается вывод. — Он сделал паузу, как бы давая возможность сделать вывод нам.

Ветераны ухмылялись, ожидая продолжения речи. Условно я называл их ветеранами, потому что они в больнице дольше меня. Как-то не приходило в голову, что я здесь уже несколько месяцев, и мне никогда не хотелось подсчитать точное количество дней, зачеркивая их в маленьком календарике. За это время в отделение поступило много новых людей, стало быть, я тоже теперь ветеран.

— Кстати, сколько надо *дать* за операцию, чтоб она прошла успешно? — спросил «парторг».

— С этим вопросом обратиться к хирургу лично, — сказал Миша, — потому что есть разные варианты.

— Но сперва спустись на первый этаж и посмотри там экспонаты в банках, — сказал я. — Чем раньше, тем лучше, а то всякое может быть.

«Парторг» окинул взглядом наши непроницаемые лица и вышел. Мы молча переглядывались — вдруг он за дверью стоит и слушает!

Через несколько минут секретарь вернулся.

— Впечатляет! — сказал он.

— И какой же вывод напрашивается сам по

себе? — напомнил Миша.

— А чёрт его знает! — отмахнулся «парторг», — надо взвесить факты и решить.

— Но вывод уже напрашивается, — сказал я, — хочешь знать?

— Какой же? — Слушай беспартийного внимательно. Когда спросишь у Кравченко, сколько надо *дать* за операцию, ты получишь гарантию, что среди тех банок, которые стоят на полках, появится ещё одна. В неё поместят отрезанные у тебя яйца и penis, а на этикетке будет написано, что эти *партийные органы* принадлежат первому секретарю...И будут указаны все твои данные, включая номер партбилета.

Мои последние слова заглушил смех, больше похожий на истерические вопли от боли. Оно так и было. Если бы случайный человек оказался в эту минуту в нашей палате, он, не зная причины, хохотал бы, наблюдая смеющихся.

Только в урологии такое бывает. Здесь умеют смеяться над собственными болезнями. Но не все. Есть больные, которым уже не до смеха. Из окон палаты видна тыльная часть двора, и ранними утрами я иногда вижу, как торопливо выносят умерших в покойницкую. Не только из нашего отделения, больница большая.

Я тоже думал о смерти. Об этом думает каждый, когда вдруг узнает, что ему предстоит

серьёзная операция. Если даже и не думает, всё равно эта подлая мысль проскакивает, напоминая, что такая возможность не исключена. Поэтому люди пишут завещания прямо в больнице, если есть что завещать, или заранее прощаются с близкими, предполагая, что потом не успеют.

У меня было иначе, спокойно и беззаботно. Похоронных мыслей не приходило, но вроде как сам наблюдал за собой со стороны. Действительно, рассуждал я, больные удачно шутят: когда тебе говорят о туберкулёзе почек, надо полагать, он у тебя есть. Несомненно, если одну он уже сожрал! Её скоро удалят, *вырежут*, а дальше? Другая тоже может внезапно отказать, не сможет принять на себя дополнительную нагрузку, но когда — во время операции или месяцем позже? Впрочем, не важно, потому что всё равно умру. Что дальше? Для меня ничего. Но я «вижу» себя после смерти, значит, могу сказать, что потенциал моего силового поля канет в звёздную вечность, а плоть обретёт в природе иную форму жизни. Предполагаю, что вскрытия не будет, оно произойдёт во время операции. Остальное — погребальный церемониал, одинаковый для всех, а уровень пышности ещё не волновал ни одного покойника. Но зато волнует живых, падких на показуху.

Я ходил по длинным коридорам урологии с ироничной улыбкой, словно побывал на экскурсии

в загробном мире. Вспоминалась и моя жажда жизненных перемен, которые не бывают под заказ, но всегда сваливаются внезапно. Дождался. Двадцать семь лет я прожил по всяким направлениям. За сравнительно короткое время получил ещё два — на медкомиссию и в туббольницу. Остаётся получить последнее — на кладбище, потому что без направления не захоронят, пока не *выставишь*. Хотя мне всё равно, в магазин я уже не пойду.

Из какой-то палаты вышел Кравченко, увидел меня, подозвал.

— А вы всё шутите, — сказал строго, а у самого глаза добрые-предобрые, как у Ленина, в знаменитом анекдоте, за который всегда *давали* первую премию — пятнадцать лет заключения. Я подумал, что ему пожаловался секретарь райкома. — Только ненормальный может шутить, когда у него туберкулёз почек! — с профессиональной бесцеремонностью воскликнул доктор.

— Не только, — возразил я. — А если присутствует здравый смысл?

— Прекрасно! — рассмеялся Владимир Григорьевич, — после обеда зайдите ко мне в кабинет, мы пошутим подробнее насчёт вашего заболевания. Ухохочемся! — Он хлопнул меня по плечу.

В нашей палате шла «партийная конференция». Не знаю, кто её открыл, но я появился при обсуждении вопроса о приёме в партию. Секретарь обвинял нас в несознательности, низком моральном уровне и политической близорукости. Он шпарил доклад, повторяя наизусть материалы Пленумов, о которых уже давно надоело каждый день читать в газетах и слушать по радио. Проповедник он был умелый, иначе не попал бы в секретари, а партийные идеи защищал с верной собачьей преданностью. И только. Но ни на один вопрос не смог дать правдивого ответа. Или не хотел.

— Парторг, давай короче! — не выдержал Миша. — А то позывы тянут к унитазу! У меня вопрос: кому и сколько надо *дать*, чтобы взяли в коммунисты?

— Если будешь много болтать, сам знаешь, *дадут* тебе! — сказал «парторг».

— Да, знаю, потому что к вашей кормушке простого человека не подпустят на пушечный выстрел. Жратва со склада — вам, импортные тряпки — вам, всё — вам, и всё — сейчас, а мы подождём прихода коммунизма!

В обсуждение вклинились остальные, тема интересная, из-за неё уже много кто пострадал, но трудно устоять перед соблазном, чтоб совершенно бесполезно, но всё же высказать правду этому

упитанному номенклатурщику, — напрямую, прямо в глаза. Даже если у него туберкулёз, не может быть никакой солидарности!

У меня язык тоже чесался, но сеструшечка позвала на анализ крови.

— Мы вас готовим к операции, — сказал после обеда Кравченко, — будем удалять почку, а пока ещё недельку подержим на капельницах. Интоксикация прогрессирует, больше медлить нельзя. Надеюсь, вам ясно, что иного выхода нет. Как я уже понял, вы человек мужественный и в состоянии оценить серьёзность положения, поэтому без лишних рассуждений ставлю вас перед фактом. Избавьте меня от вопросов, если имеются. Так вы по-прежнему утверждаете, что никогда ничего не замечали?

— Это может что-то изменить?

— Теперь нет. Чисто профессиональный интерес.

— Болезненных ощущений не было, но иногда поднималась температура и менялся цвет мочи.

— Я так и предполагал, — сказал Кравченко. — Вам в известной степени повезло: в любой момент могли сразу попасть на операционный стол ближайшей больницы, но в таком состоянии, что лично я не хотел бы оказаться на месте хирурга.

Больница далеко за городом. Наверно, её умышленно построили подальше от глаз, дабы не напоминала, что человеческая жизнь состоит не только из радостей здорового тела. Я часто стоял в коридоре у окна, слушал вой электрички и наблюдал, как люди идут в больницу по дороге от пригородного вокзала. У каждого из них кто-то был в каком-то отделении, они шли к своим больным родственникам или друзьям и не боялись заразиться. Чёрно-золотая вывеска «Областная туберкулёзная больница» была похожа на надгробную плиту и навязывала мысль о неизбежном конце. Я думаю, эта мрачная доска в определённой мере отпугивала моих друзей, потому что с некоторых пор они стали приходить всё реже, а потом и совсем перестали, будто я уже умер.

О причине я догадался, когда обратил внимание, что под любым предлогом они вроде забывают подать мне руку, а если подают, после рукопожатия стараются незаметно вытереть ладони салфеткой, заранее смоченной *питьевым* «Тройным одеколоном». И всё стало понятно: друзья-товарищи боялись от меня заразиться, хотя в действительности это им не угрожало.

Вадим оказался единственным человеком, который ничего не боялся. Он был на два года старше, и мы с ним прошли одну из *горячих точек* того времени. Теперь Вадим работал на заводе

начальником цеха и приезжал ко мне на старом служебном автобусе, а когда автобус ремонтировался, ездил электричкой.

В этот раз он появился со спортивной сумкой.

— Я тут, старик, привёз тебе замечательное средство от ненормального настроения, чтоб не думал перед операцией о глупостях.

— Коньячок?

— Чего захотел! — рассмеялся Вадим. — Может, ещё и бабёнку тебе доставить?

— Нет, — сказал я, — у нас хватает своих.

Вадим вытащил из сумки магнитофон и несколько кассет.

— Высоцкий. Послушай под настроение. Теперь не темни, рассказывай.

— Нечего рассказывать, ты всё знаешь... У нас есть одна медсеструшечка — мечта сумасшедшего, который в здравии ума, и прямо для тебя.

— Старик, я серьёзно, а ты пудришь мне мозги! — рассердился Вадим.

— Операция через несколько дней. Если не умру, познакомлю тебя с этой девочкой, возможно, совершишь очередную ошибку.

— Знаешь, старик, по-моему, люди относятся к этому как-то иначе, а тебя не понять: то равнодушен, словно пень, то похороны справляешь, а то вдруг бабы в голове. Когда ты поумнеешь?

— Как только стану начальником цеха.

Должность обяжет, — пошутил я. — Но в самом деле, о чём ещё рассказывать? Обычное устранение неполадок в организме, вызванных его несовершенством, но сколько вокруг этого разговоров! И зачем они, когда есть только единственный целесообразный выход? На операцию я дал согласие в письменном виде, и на этом документе сделал пометку, чтоб не искали крайних при *exitus letalis*, а ты что думал? Полагаешь, очень легко устранить лейкоцитоз и сплошную муть? Здесь, как у тебя в цеху, без молотка и зубила не обойтись.

— Ладно! — рассмеялся Вадим, — я знаю, что переживёшь. На *точке* не такое переживали, не надеясь на врачей. У меня нет времени, уезжаю, а ты обойдёшься без моих дурацких пожеланий. — Он крепко пожал мне руку и пошёл к своему автобусу, на ходу обернулся:

— Даю вводную: у тебя закончились патроны, твои действия?

— Ждать, когда в мою честь вспыхнет на коридоре табло: «Тихо! Идёт операция».

Глава 2

Если я женился без любви, это не предполагает подлого отношения к женщине. Наоборот, мужчина должен оставаться мужчиной,

организовать нормальные бытовые условия, о чём-то позаботиться, настроить ровные и добрые отношения, коль свела судьба двух бездомных, а далее всё образуется и определится по-честному. С самого начала так и пошло, но вскоре доверительные отношения стали рушиться безвозвратно, а задуманный обмен квартиры оказался в «танке».

Я никогда не обращал внимания на уровень жизни соседей и знакомых, с которыми у жены очень быстро нашёлся прочный контакт. Меня совершенно не интересовал дефицитный ширпотреб, который не покупали, а *доставали* с помощью *связей* и переплаты в две-три цены, то есть не с полки, как я сперва буквально представлял. В таких делах нос жены всегда держался по курсу, но не всегда она была к этому безразлична. Какие-то паршивые ковры, эти настенные пылесборники, тоже были в дефиците, впрочем, как и всё, начиная от лампочек, а невозможность *достать* вызывала у неё неиссякаемое стремление к заполучению. Ведь надо уподобиться всем, чтоб не выглядеть хуже на общем фоне! Принципиально я был не против, но, пытаясь мягко умерить пыл жены, напоминал о реальных возможностях, не позволяющих участвовать в таком спринте. Со временем желаемое исполнится, а нам важнее здоровье и